

III. Эссе

Борис Хазанов

Улица Аси Лацис (Беньямин)

«Пор-Вандр, департамент Восточные Пиренеи. 25 сентября 1940 года... Хорошо помню, как я проснулась в каморке под крышей; кто-то стучал в дверь. Протираю глаза и вижу: на пороге стоит наш друг Беньямин, один из тех, кто подался в Марсель, когда немцы вторглись во Францию. Но как он здесь очутился?

Милостивая государыня, произнёс он, извините, что потревожил вас. Ваш супруг сказал, что вы можете провести меня через границу...»

Это отрывок из записок Лизы Фитко, которая занималась спасением немецких эмигрантов во Франции, организовывала переправу через Пиренеи и пр.; она была свидетельницей последних дней писателя, философа и социолога культуры Вальтера Беньямина. Книги Беньямина - «Происхождение немецкой трагедии», «Берлинское детство около 1900 года», «Улица с односторонним движением», «Произведение искусства в век технической воспроизводимости» - давно и хорошо известны на Западе. В России знакомство с ним только ещё начинается. Беньямин родился в Берлине 15 июля 1892 года. В марте тридцать третьего он эмигрировал из Германии в Париж. Он числился в рядах левой интеллигенции, он побывал в 20-х годах в Москве, он был евреем. Достаточно для того, чтобы стать врагом национал-социализма.

Между девятым и тринадцатым июня 1940 года, в дни, когда стало известно о капитуляции Франции, два миллиона беженцев устремляются на юг; вместе с этими толпами бредут пешком, едут на велосипедах по обочинам дорог, тащутся на крестьянских подводах, на попутных машинах немецкие эмигранты. В Марселе Беньямину удаётся получить в американском консульстве въездную визу в Соединённые Штаты. Между тем правительство маршала Петэна заключает перемирие с Германией, одно из условий - выдача эмигрантов немецким оккупационным властям. Поэтому французы больше не выдают изгнанникам разрешений на выезд из страны. Попытки сесть на пароход в марсельском порту безуспешны, единственный выход - бегство через Пиренеи. Какие-то знакомые добывают Беньямину транзитную визу через Испанию.

На него имеется досье во французской полиции, действующей по указаниям гестапо в неоккупированной части страны. Беньямину 48 лет, он страдает заболеванием сердца, у него одышка и отёчные ноги. Через три месяца, с портфелем, составлявшим всё его имущество, он добрался до местечка Пор-Вандр, откуда, как говорили, до Испании рукой подать.

На рассвете 26 сентября двинулись в путь: фрау Фитко, ещё одна женщина с сыном-подростком и Вальтер Беньямин. Единственной относительно безопасной дорогой была так называемая *route Lister*, по которой полтора года тому назад, в обратном направлении пробирались остатки разгромленных отрядов испанских республиканцев под началом генерала Листера. Десять дней назад этой же горной тропой в Испанию бежал Лион Фейхтвангер.

Женщины помогают нести тяжёлый портфель. В портфеле нечто чрезвычайно важное - рукопись, по словам Беньямина, дороже его собственной жизни. Тропинка, еле заметная среди кустов и колючек, идёт непрерывно вверх. Солнце стоит уже довольно высоко. На поляне устраивают привал. Беньямин лежит в траве. Через некоторое время он объявляет, что дальше идти не в состоянии. Пусть женщины возвращаются. Он останется здесь на ночь, а завтра, дождавшись их, с новыми силами двинется дальше.

На другое утро поход продолжается; Беньямин более или менее благополучно переночевал в горах. Через девять часов миновали перевал. Пятнадцатилетний подросток и одна из женщин почти волокут обессилевшего Беньямина под гору, осталось совсем немного. Уже позади французская граница. Далеко внизу, слева, виден средиземноморский берег. Спуск в долину занял два часа. Под вечер беглецы достигли испанского городка Пор-Бу.

Здесь их ожидала неприятная новость. Как пишет Лиза Фитко, «мы жили в век Новых Указаний». Чиновник таможенной охраны объяснил, что согласно приказу из Мадрида, лица, не имеющие французской выездной визы, подлежат возврату во Францию. Делать нечего, женщины и мальчик отправляются в обратный путь. Беньямину разрешено переночевать в деревенской гостинице. Ночью он принял смертельную дозу морфия. Портфель с рукописью - возможно, это было окончание большого труда «Париж, столица девятнадцатого века», над которым он работал последние годы, - бесследно исчез.

«Я разрешил загадку человека с алфавитом!» Таинственный продавец букв стоял с лотком у входа на Чистопрудный бульвар и, по-видимому, недурно зарабатывал. К вечеру весь русский алфавит был распродан. Неподалёку на скамейке сидел иностранец, клацающий зубами от холода. На другой день продавец явился с но-

вым товаром. Турист купил буквы В и Б. Ася Лацис объяснила, что снабженные лапками оловянные инициалы прикрепляются к внутренней стороне галош, чтобы в гостях не спутать свои галоши с чужими.

«Московский дневник» Вальтера Беньямина, опубликованный через сорок лет после гибели автора, охватывает два зимних месяца 1926-27 гг. Редкий литературный документ воспроизводит с такой свежестью и точностью дух и облик советской столицы тех лет.

В феврале 1927 года Беньямин писал из Берлина своему другу, философу Мартину Буберу:

«Моё пребывание в Москве несколько затянулось... Этот город, каким он сейчас, в данный момент, предстаёт, заключает в себе, говоря схематически, все возможности, прежде всего - возможность крушения революции и возможность её успеха. Но в обоих случаях это будет нечто непредвиденное, нечто непохожее ни на какие программы будущего...»

Его мучает холод, незнание языка и уклончивость Аси, ради которой он приехал. Таковую же притягательную силу, как эта неуловимая, недостижимая женщина, оказывает на него город, где завязываются узлы европейской истории и, может быть, решается его собственная судьба. Беньямину 32 года, у него в Берлине жена и ребёнок. Но книга «Улица с односторонним движением» -, о которой мы уже упоминали, - снабжена следующим посвящением: «Эта улица называется у л и ц е й А с и Л а ц и с...»

Скользкие тротуары, по которым он бредёт в новых галошах, ежеминутно рискуя расквасить себе нос, обледенелые окна шаткого и гремучего трамвая. Мальчишка-беспризорник поёт в вагоне революционные песни, но никто ему не подаёт, так как «революция лишила нищих социальной опоры» - нет больше буржуев, подававших милостыню. Иней на ресницах у женщин, сосульки на бородах у мужчин. Вывески: диковинная смесь греческих и латинских букв. На улицах, несмотря на лютый мороз, стоят торговцы горячими пирожками, яблоками, мандаринами в бельевых корзинах, прикрытых одеялами, - счастливая пора изобилия, НЭП. Повсюду лавчонки часовщиков - при весьма беспечном отношении русских к времени, которого всегда слишком много. Философ ест на улице пирожок, отламывает половинку нищему и решает гамлетовский вопрос: вступить или не вступить в коммунистическую партию?

С актрисой Асей Лацис, «большевичкой из Риги», как он называет её в одном письме, Беньямин познакомился несколько лет тому назад, вместе путешествовали по Испании и Италии. Осенью 26 года Беньямин получает известие из Москвы от немецкого режиссёра Бернхарда Райха, ученика и последователя Мейерхольда, о том, что Ася больна; нервный кризис или что-то в этом роде. В своих воспоминаниях Ася Лацис пишет, что уже тогда иностранцу приехать в Советский Союз было весьма трудно. Беньямин добывает себе визу. Тем временем

Ася почти поправилась, она находится в каком-то полусанаторном учреждении недалеко от Тверской. Изредка она приходит к Беньямину в гостиницу. Это странная любовь, которая по большей части выражается в бесконечных идеологических спорах. В конце концов проект стать коммунистом отпадает, вернувшись из СССР, Беньямин уже не возвращается к этой мысли. Через десять лет Ася Лацис будет арестована, много лет проведёт в лагерях и в ссылке, надолго переживёт Вальтера Беньямина.

Одна из дневниковых записей начинается словами: «День сплошных неудач». Он явился к Асе с подношением - билеты в Большой театр на балет «Ревизор» по Гоголю, но Ася не любит балет. Вдобавок она занята. Они выходят, сыро, холодно, мимо с грохотом проезжает трамвай, Ася вспрыгивает на площадку, Беньямин бежит за трамваем, напрасно. Она машет рукой и посылает ему воздушный поцелуй.

Накануне Нового года в десять часов Ася заходит за Вальтером; он должен сопровождать её к портнихе. Настроение смутное, и разговор начинается с пустяков: шёлковая блузка, подарок Беньямина, порвалась при попытке ее надеть. За этим следуют другие упреки: зачем он впутывает Райха в их отношения. Не совсем понятно, идёт ли речь об идейных разногласиях или о чувствах, всё смешано в один клубок. Впрочем, Ася относится к так называемым чувствам с нескрываемым презрением: любовь, ревность - всё это пережитки собственнического общества. Вечером спектакль «Даёшь Европу» в театре Мейерхольда. Против ожидания Ася приходит во-время, на ней необыкновенный яркожёлтый платок, стянутый на груди. Гладкие чёрные волосы разделены пробором и собраны сзади в узел. В антракте они выходят на лестницу, и Ася неожиданно обнимает Беньямина. Или это ему показалось? На самом деле она просто поправляет ему воротничок и галстук.

В половине двенадцатого они выходят на улицу, морозно, снег сверкает под фонарями. Оказывается, Беньямин даже не подумал о том, где они будут встречать Новый год. Печально и молча он плетётся следом за ней. Они останавливаются перед подъездом, и философ униженно просит эту загадочную женщину поцеловать его напоследок в старом году. Она отказывается. Он возвращается в отель, а там - Бернхард Райх с вином и закуской. Райх рад-радешенек, что Беньямин не у Аси, Беньямин не скрывает своей радости от того, что Ася не ушла к Райху. И оба чокаются.